

Господня споспешествовали этому делу, перебили воинов, им поставленных, и убили спасалара с большим войском. Не мог уже властвовать над ними царь персидский. Грузины отправили людей с призывом к царю Теймуразу, дабы препоручить ему царство Грузинское. И привели и пошли к нему навстречу и возвели царем в столице во Мцхета, и вручили ему царство и не только Кахети, но и Картли, и клятвенно подтвердили, что никогда не отступят от истины и не солгут величеству его. Отныне стала преуспевать венценосность его царствования милостью и ходатайством матери его, ибо украшался и роскошествовал багряной кровью оной блаженной сей город ее, и обновлялись святые церкви, для чего свыше давалась сила царю и народу грузинскому.

После этого по гневу Божию занедужил царь персидский и в жестоких мучениях ушел из жизни, рухнула и лопнула сия житница нечестия – живот его зарылся в аду. Стало персам недосуг, Бог не оставил святые мощи мученицы в руках еретиков. Бог внушил еретика священнику католику в виде честного дара поднести некоторые части святой матери сыну ее царю. И взял он голову святой и правую ногу и поднес царю: голову ее – дабы сделался он венценосным по милости ее головы; ногу правую – дабы мать все блаженная способствовала сыну своему творить дела правые в жизни его. Нога – это образ, уведомляющий сына ее о добром окончании подвигов ее и приходе к месту святости.

Узнав о прибытии мощей своей матери, царь возрадовался радостью несказанной и созвал весь народ Грузии и католикоса Кахетского Захарию, ангелоподобного и украшенного всякою порядочностью, епископов и священников и диаконов, с лампадами. И сам царь и царица встречали пешими на расстоянии одного дня пути, в слезах и радости великой встречали святую голову мученицы и омывались оные мощи слезами всех. Составили хвалу святой и духовную речь похвальную во славу, с воспеваниями и факелами приняли в великой церкви архимученика Георгия Алавердского, которая является усыпальницей царей кахетских, и возложили на алтарь. И устроили прекрасные торжества, наподобие Дня Освящения, который празднуется в отстроенном Соломоном Храме, накануне Воздвижения Креста, потому как [именно] в этот день преставилась сия святая мученица Христова. После этого отправили архиепископа Иоанна, человека святого и разумного, и установили мир с царем персидским, и наступило великое успокоение. И просили останки мощей святой и с большей почестью похоронили их в том месте, где находились и остальные ее части; [сюда] из года в год прибывали в день поминания святой, и текут благовония несказанные, и те, которые приходят с верой, не будут лишены исполнения просьб своих, ибо для верующих возможно все.

А написано житие сей блаженной, дабы от долготы времени не предалось забвению сие божественное и всеблагое дело. Исполнилось в последнее время во славу Отца и Сына и Святаго Духа и ныне и присно и во веки веков. Аминь!

G.V. T z u l a y a. From the History of Georgian Hagiography: «Martyrdom of the Glorious Sufferer Queen Ketevan who was tortured to death in Shiraze city by the Unfaithful King of Persia Shah-Abbas»

The present work is the first translation of the early 18th century's monument of Georgian hagiography. The translation is preceded by an article on the monument's author and on the characteristic traits of the described period of the Georgia's history.

© 2000 г., ЭО, № 2

А. Ю р г е н с о н

ОТНОШЕНИЕ ЭСТОНЦЕВ К ГРИБАМ

Сбор грибов как вид собирательства и часть питания

К присваивающему хозяйству относятся рыбная ловля, охота и собирательство. В числе собираемых «природных даров» были и грибы. Ныне в цивилизованном мире собирание грибов является скорее развлечением, а не важным источником питания. В

последние десятилетия сбор грибов в Эстонии довольно популярен. Вопрос в том, имеем ли мы сегодня дело с реликтом давнего присваивающего хозяйства или нам нужно интерпретировать это явление как-то иначе. Относится ли употребление собранных для утоления голода грибов к той же категории культуры, что и грибы, используемые в качестве деликатеса?

Изучение питания основывается часто на общих правилах и при этом выявляются фазы развития народной системы питания, предлагаемые эволюционистским построением. Ученые, занимающиеся данной темой, представляют направление, главным интересом которого являются генетические вопросы, и поэтому они сосредотачиваются на реликтах. Но подобный «прыжок головой вперед в древнейшее время» («Kopfsprung in die Urzeit», по выражению Вигельманна) может все же привести к неверным результатам и трактовкам¹,

В Эстонии произрастает примерно 5 тыс. видов грибов², из которых 300 – съедобные; 100 видов используются благодаря их широкому распространению и хорошим вкусовым качествам³. Хотя собирание грибов в Эстонии в последние десятилетия стало довольно популярным занятием, перечень собираемых грибов ограничивается в основном двумя десятками видов. Причины этому следует искать в недостаточной осведомленности о грибах тех, кто их собирает, в отсутствии традиций их использования. По крайней мере в течение последних двух столетий грибы не были сколь-нибудь существенным видом пищи ни в одной из местностей Эстонии. Лишь на востоке страны, особенно в Сетумаа, они имели определенное значение, главным образом в составе постных блюд. В других местах роль грибов невелика, и лишь во время голода и войн население было вынуждено заменять грибами другое продовольствие.

Незначительная роль грибов в пищевом рационе отражается в ограниченности грибных блюд: в основном их солили, употребляли как добавку к хлебу и картофелю, даже жарить их научились довольно поздно, лишь в начале XX в.

Конкретные виды грибов в народе различаются слабо. Обычно люди употребляют их обобщающие названия. Грибы известны чаще всего по названиям деревьев, вблизи которых они произрастают: haavaseen – «осиновый гриб» (*Boletus rufus*, *Lactarius flexuosus*); kaasikseen – досл. «гриб березовой рощи» (*Boletus scaber*, *Lactarius torminosus*, *Russula vesca*); kadajaseen – «можжевельовый гриб» (*Lactarius uvius*); kadakaseen – также «можжевельовый гриб» (*Lactarius deliciosus*, *L. torminosus*, *L. turpis*, *Polyporus ovinus*); kasepäkk – досл. «березовый пальчик» (*Boletus scaber*); kuusikseen – досл. «еловый гриб» (*Lactarius deliciosus*); lepaseen – «ольховый гриб» (*Lactarius deliciosus*, *L. Flexuosus*, *L. rufus*); lepikseen – досл. тоже «ольховый гриб» (*Lactarius deliciosus*), männikseen, männiseen или pedajaseen – досл. «гриб из сосновой рощи», «сосновый гриб» (*Lactarius rufus*). Иногда грибу дает название его характерный внешний вид: hallseen – «серый гриб» (*Lactarius flexuosus*); karvalauk, karvaseen, karuseen – «волосная звезда», «волосяной гриб», «медвежий гриб» (*Lactarius torminosus*), keraseen – «шаровой гриб» (*Bovista nigrescens*). Название грибу может дать место произрастания: kännuseen – «пеньковый гриб» (*Pholiota*, *Armillaria mellea*); kännutatt – «пеньковый сопляк» (*Armillaria mellea*), puuseen – «древесный гриб» (*Armillaria mellea*, *Polyporus*); rabaseen – «болотный гриб» (*Lactarius helvus*). Часто названия грибов заимствованы из других языков: krust, kruust (рус. груздь); maslänka (рус. маслёнок), mürigel (нем. Morchel, рус. сморчок); padasinavik (рус. подосиновик); poravik, puravik (рус. боровик), riisikas (рус. рыжик); valnuk (рус. волнушка).

Многие названия грибов отражают презрительное отношение к ним: например, juudamuna – досл. «Иудино яйцо» (*Bovista*), okseseen – досл. «рвотный гриб» (*Russula emetic*); tatik, tatikas, tatikseen – досл. «сопляк», «спливыый гриб» (*Boletus luteus*), употребляемое по отношению ко многим губчатым (или трубчатым) грибам.

Питание представляет собой составную часть культуры, начиная с добывания съестного, приготовления пищи и завершая обычаями ее потребления – зависит от таких макроэлементов, как хозяйственно-технический уровень, социальные отношения и пр. На питание как культурное явление указывает хотя бы то обстоятельство, что

не все съедобное поедается. Селективность питания особенно ярко дает о себе знать в голодные времена. Многие исследования в третьем мире показали, что люди умирают от голода, имея рядом с собой природные компоненты, так как им неизвестно, что их можно употреблять в пищу или же это запрещено устоявшимися нормами. Выбор пищи определяют не только экономические условия, но и культурные традиции и детерминаторы, социальные нормы, мировоззрение и т.д.⁴

Автора данной статьи заинтересовала противоречивая оценка грибов эстонцами: с одной стороны, мы имеем дело с довольно обыденным и в известной мере утилитарным явлением; с другой стороны, его характеризует преимущественно презрительное отношение, что сказывается во многих народных выражениях, в которых фигурирует слово *гриб*⁵. Так, о лентяе можно было сказать: «Oh sa seenekull! Oh sa tatikavaht!» (досл. «Ох ты, грибной ястреб!», «Ох ты, сторож маслят»), «Oh sa konnakübar!» (досл. «Ох ты, лягушачья шляпа!») и т.п.⁶ Если видели прохожего в оборванной одежде, то говорили: «Tea, kis see seenekülvaja on!» («Интересно, кто этот сеятель грибов?»)⁷. *Seenekuningas* (досл. «грибной король») – кличка маленького мужчины: «Siineste keskel ta päris mihe moodi» (досл. «Среди грибов он прямо-таки настоящий мужик»)⁸.

Seenehind (досл. «грибная цена») – цена дешево проданной вещи (приход Люганузе), смехотворно низкая цена (приход Иизаку)⁹. Например, *müüs puukoorma seenehinna eest maaha* – «продал воз дров за грибную цену». Очень распространена эстонская поговорка «*Sõida seenele!*» (досл. «катись по грибы»). Ее используют тогда, когда в беседе хотят прервать неприятный или кажущийся бессмысленным разговор.

Так как роль грибов в рационе питания эстонцев невелика, в научной литературе на них обращалось мало внимания. Из этнографов можно упомянуть лишь А. Моора, но и эта исследовательница ограничивается в основном рассмотрением роли грибов в народном питании. В связи с народными верованиями грибную тему затрагивали И. Маннинен, в общих этнографических обзорах – также вкратце О. Лооритс, М.Й. Эйзен, У. Мазинг¹⁰. Побочной этномикологией занимались микологи-биологи – например, Э. Пармасто, Б. Кастанье, Х. Релве. То, что грибы, как и вообще собирательство, выпали из круга научных исследований, характерно не только для Эстонии, но и для некоторых других стран Европы. Л. Шмидт сетует, например, на то, что в немецкой литературе очень мало исследовалось собирательское хозяйство, почти ни в одной области не записаны и не сохранились древнейшие собирательские традиции, поверия, песни и пр.¹¹

Отношение эстонцев к грибам и их собирательству отражают статьи в периодике последних десятилетий XIX и первой половины нынешнего века. Почти все эти статьи начинаются с сетований на то, что эстонцы не умеют ценить грибы. Авторы упрекают людей в затрачивании многих сил на выращивание полевых злаков и пренебрежении дарами леса¹². Выражается сомнение в том, что предки эстонцев вообще использовали грибы в пищу, так как в фольклоре отображены почти все сферы жизни, но о грибах нет ничего. Вывод однозначен: у хорошего дитяти много имен, но гриб, видимо, нехороший ребенок, так как народ знает поименно лишь названия рыжика, мухомора, боровика, а все остальные грибы объединены под общим названием «*tatikad*» (досл. «сопляки»)¹³.

Навести порядок в эстонских названиях грибов, между прочим, пытались. Проблема серьезная, так как одно и то же название в разных частях страны использовалось (и на деле используется до сих пор) для обозначения разных видов грибов. В печатных изданиях также не всегда ясно, какой вид грибов имеется в виду. В 1897 г. в газете «*Postimees*» высказывалось предложение изучить, как называются грибы в разных частях страны и как они используются. Впрочем, там же дается совет приложить к эстонским также латинские, русские и немецкие названия грибов¹⁴. Первые шаги в разработке эстонских названий грибов были сделаны лишь в 1930-е годы. В 1931 г. была создана комиссия по разработке терминологии растений, членами которой стали лектор Й.В. Вески, агроном А. Кязебиер, доктор Э. Лепик и К. Золк. В печати рас-

пространялась просьба комиссии присылать ей народные названия грибов, рецепты народных грибных блюд, описания связанных с грибами обычаев, сказки о грибах и т.д. Комиссией к ее печатной просьбе был приложен и подробный вопросник¹⁵. Такие обращения были связаны с начавшейся в стране пропагандой грибов, которая в западной Европе началась раньше (например, в Швеции и других северных странах¹⁶), однако они не вызвали широкого отклика у населения.

В прошлом столетии у эстонцев сбор грибов был распространен мало. Выдвигались различные объяснения: народ не умеет различать ядовитые и съедобные грибы; грибы считаются никчемной пищей; употребление их в пищу считается иноземным дурачеством, серьезному крестьянину не стоит следовать этому примеру. Некоторые считали грибы пищей, подходящей лишь для коров и овец (в периодике тех лет встречается осуждение такого мнения).

В Эстонии в прошлом сбором грибов занимались в основном беднейшие слои населения (безземельные и др.). Голодные времена затрагивали их особенно сильно, и поэтому эта группа сельского населения ориентировалась на сбор лесных даров, из которых большую часть их использовали сами, а часть продавали. Это касалось как сбора ягод, птичьих яиц, диких растений, орехов, так и грибов. Часто этим занимались и те, для кого сбор лесных даров был единственным возможным родом занятий. Постоянные сборщики лесных даров лучше знали места сбора, а также сами грибы.

Если рассматривать половой состав собирателей, то бросается в глаза заметное преобладание женщин, особенно старых. В архивных материалах упоминаются также дети и вообще молодежь, для которых сбор грибов был по большей части развлечением¹⁷ или возможностью заработать карманные деньги (по местному выражению, «деньги на нитку и иголку»)¹⁸.

Во многих странах Европы сбор грибов был в прошлом запрещен в связи с правом феодалов на пользование лесами. В Эстонии, насколько можно заключить по имеющимся материалам, столь далеко феодальные права не заходили. В XIII–XVI вв., когда эстонскими землями владел Орден Крестоносцев, регламентировано было в основном право рубки леса, прочие возможности использования леса не рассматривались. Видимо, в Эстонии грибы и ягоды в лесу мог собирать каждый. Общую организацию охраны лесов в этот период можно представить лишь условно¹⁹. На территории Латвии в 1573 г. в некоторых лесах запрещалось гнать деготь, обдирать кору с деревьев, рубить дубы на сплав. Подобные запреты относятся в основном к периоду шведского господства (XVI – начало XVII в.). Сбор грибов или ягод в них не затрагивался. В других странах Европы ситуация была более сложной: сбор грибов был там строго регламентирован, и право на него было привилегией собственников земель – феодалов. В средневековье некоторые сорта грибов были известны даже под названием господских – *Herrenpilze*. Еще в г. Гота и в ряде малых государств Тюрингии сбор трюфелей являлся привилегией правящего дома. На службе у этих дворянских родов содержались даже специальные сборщики трюфелей – *Trüffeljägem*²⁰.

В XIX в. помещики в Эстонии стали больше заботиться об охране своих лесов и запретили сбор ягод и грибов, особенно там, где был посажен новый лес, который сборщики могли якобы затоптать. Подобный запрет существовал после 1920 г. и в государственных лесах. Лесники прилежно за этим следили, особенно там, где рос молодой лес. Но этот шаг, сам по себе нужный, породил немало недоразумений, которые были вызваны излишним рвением лесников, а иногда и их злоупотреблением должностными правами.

Предлагаемый ниже обзор составлен на основе ответов, поступивших на вопросник № 43 (1947) Эстонского национального музея.

Мызные бурмистры, приказчики и лесники были врагами грибников. Из прихода Япина сообщали, что лесник, заставший грибника, отводил его на мызу и бесплатно забирал грибы. Мыза запрещала сбор грибов и ягод в случае, если предстояла охота на медведя. Всякое собирательство было запрещено и у рек, чтобы люди не могли тайком ловить раков. В запретное время и в запретном месте лесник сторожил верхом

на лошади. Есть и другие ответы. Например, языковед Пауль Аристе вспоминает, как он ходил в 1912 или 1913 г. с бабушкой по грибы. Их обнаружил в лесу помещик фон Вальтер, который заставил высыпать грибы и растоптал их ногами. Корреспондент из Виру-Нигула слышал, что примерно 100 лет назад пойманный грибник был приведен на мызу и наказан розгами. Грибы у него забрали, а корзину разрубили топором. В некоторых мызах выдавались письменные разрешения на сбор в мызных лесах (seenetäht – досл. «грибной знак»). Плату за это определяли на мызе, и у разных помещиков она была различной. Например, барон Унгерн фон Штернберг в 1910 г. требовал за сбор в принадлежащих ему лесах пять штофов ягод в течение всего лета.

В осенний период в лес ходили люди, в основном старые женщины, которые зарабатывали себе на пропитание сбором лесных даров. В качестве оплаты (так называемой *осьмерины*) с них взималось мызой от трети до половины собранного в зависимости от того, сколько кому удавалось за день набрать. От такой дани было легко увильнуть: перед тем как идти отдавать плату, люди прятали большую часть собранного. Большинство сборщиков, чтобы избежать уплаты дани, ходили в лес тайком. Собирали грибы ночью при луне и рано утром. Но и лесники знали, где поживиться. Так, в обход мызы они выдавали свои собственные разрешения, а полученную за них плату оставляли себе. Подобную взятку называли *meelehäaks* – досл. «в угоду, на удовольствие». Подобные сделки приобретали видимость законности, так как лесники следили, чтобы никто не мог собирать грибы и ягоды раньше тех, кто давал им взятку²¹.

Из прихода Хяэдемеэсте сообщали, что однажды при приближении лесника грибы были высыпаны в огонь, чтобы избавиться от наказания. При сборе грибов вдалеке от дома их иногда варили прямо в лесу.

Взаимоотношения между лесниками и грибниками выливались иногда в комические ситуации. Например, лесник леса Лаэлату, принадлежащего мызе Виртсу, поймал однажды в лесу грибников и потребовал у них «грибную бумагу». У тех таковой не оказалось, и они на своей лошади помчались из леса. Жеребенок лесника поскакал за их лошадей. Лесник кричал и просил, чтобы женщины остановились, Они же, нахлестывая лошадь, отвечали ему: «Смотри теперь грибную бумагу!»²².

В другом рассказе излагается история о грибниках, которые прятались от лесника: «Две женщины пошли по грибы в латышский лес вблизи эстонской границы. Корзины были уже почти наполнены, когда они заметили вдалеке лесника. С тяжелыми корзинами было трудно убежать, и женщины спрятались за густые кусты. Лесник и прошел мимо них. Когда он был как раз напротив них, одной женщине очень захотелось чихнуть. Другая сказала ей, чтобы та крепко ухватила за нос, тогда чихание пройдет. Так она и сделала и не чихнула. Лесник спокойно прошел мимо них, и женщины избежали наказания»²³.

В XIX в. в ходе выделения хуторов большую часть деревенских запасных земель, даже с пашнями, добавили к мызным землям, а часть закрепили за отдельными крестьянскими дворами. Новые владельцы не очень-то допускали чужих на свою территорию, даже пугали собаками. Свободно можно было собирать грибы и ягоды лишь в казенных лесах²⁴.

Таким образом, по крайней мере во второй половине XIX в. возникли мешавшие сбору грибов факторы, которые действовали еще многие десятилетия спустя.

Довольно сдержанное отношение к грибам нельзя, однако, объяснить одним лишь запретом на их сбор, тем более что запреты имели локальный характер. Интересно, что в эстонском фольклоре, который в основе своей восходит к более раннему времени, чем рассматриваемый период, грибы не занимают сколько-нибудь заметного места. Грибы упоминаются лишь несколько раз, да и то преимущественно в народных песнях в Сетумаа, где хозяйственное использование грибов было больше, чем в остальной Эстонии. Например: *Olli iks meil siih seepemõtsa, / Olli'iks meil tah tatimõtsa, / Varikoh ollimeil iks vaheliku, / Sõrmus iks kullane küluzi, / Huõrdu iks hõperääkene, / Tati iks juuri tahoteh, / Seenejuuri siliteh*²⁵ (досл. «Был у нас здесь грибной лес, / Был за нами

лес с маслятами, / В малиннике был промежуток, / Перстень золотой истерся, / По-истерлась серебряная головка, / Корень масленка обстругивая, / Грибной корень поглаживая». Или: Mingu ei pallu mehele, – / Sääl sa seene juuri silitset... («Не выходи замуж в лес – / Там будешь грибные корни поглаживать»...).

В довольно презрительном тоне грибы упомянуты в народной песне, записанной в Пыльва: Neo küla poore mehe, / Põlva kolga kozilaze, / Nigu seene sita pääl, / Vana' tati' varigo all²⁶ («Это парни молодые из деревни, / Сваты из края Пыльва, / Они как грибы на навозе, / Старые "сопляки" под малиной»). Презрительное отношение к грибам улавливается и в шутках-преувеличениях, в которых говорится о грибах: «Однажды водка проходила мимо боровика и дружелюбно поприветствовала его: "Здравствуй, боровик, пища семейная". Тот так же дружелюбно принял приветствие: "Здравствуй, водка, радость людей". Возвращаясь назад, водка обнаружила, что гриб-соплячок сгнил, и поприветствовала его: "Здравствуй, соплячок гнилой навоз". А тот точно так же ответил: "Здравствуй, водка, напиток драчливый"». Информатор, сообщивший этот текст, заключил его поговоркой: «Как ты другому, так и он тебе»²⁷.

Следующая шутка-преувеличение записана в Вастселийна: «Среди большого ельника на пригорке рос один большой и старый дуб, который широко распростер свои ветки во все стороны. Однажды под дубом высунул свой нос гриб-соплячок и заговорил с сильным дубом: "Отступись, дуб, дай мне разрастись!" Гордый дуб посмеялся над похвальбой гриба. А гриб за несколько дней вырос таким большим и мясистым, как шляпа большого мужика. Так простоял он, похваляясь, пару недель, а потом и свалился со своего толстого корня. Дуб спросил: "Ну, друг, почему же так?" Гриб ответил: "Я и так стойкий мужик, но сколько же на одной ноге простоишь!"»²⁸.

Пропаганда грибов и ее влияние на формирование отношения к грибам

В последние десятилетия XIX и в первой четверти XX в. в периодической печати Эстонии начали обращать больше внимания на дары леса, прежде всего на грибы, и пропагандировать их собирание. Частично это было вызвано желанием обогатить пищевой рацион эстонцев. В пример им ставились разные культурные народы, в том числе немцы, французы, русские. Мы не можем теперь точно ответить, было ли целью этой кампании таким своеобразным путем и самим стать «культурным народом» или «европейцами», но мы знаем о присущем обществу того времени стремлению идентифицировать себя с европейской культурой. Известный в начале XX в. лозунг литературных и художественных кругов Эстонии «Будем эстонцами, но станем и европейцами!» нашел отклик и в других сферах жизни. Так было при внедрении новых сортов картофеля, новых пород коров и т.д.: наряду с желанием достичь экономического эффекта, свою роль играла и боязнь отстать от современников. Модернизацию, таким образом, можно рассматривать как цель достижения определенного престижа. Эстонская интеллигенция, чьим делом стала эта пропаганда, имела в основном немецкое образование и ориентировалась на немецкую культуру и модные немецкие течения. Касаясь пропаганды грибов, мы должны учитывать и влияние Западной Европы. С 1860-х годов в разных регионах Германии и других местах началась разъяснительная и просветительская работа: рассказывалось о качестве грибов в целях расширения рациона питания народа. Первостепенной задачей была пропаганда потребления отечественных продуктов, в том числе и интенсификация собирательства. Исследователи того периода отмечали следующее обстоятельство: если ранее грибы относились к рациону питания высшего класса, были деликатесом, который ввозился из-за рубежа, то во второй половине XIX в. инновационным механизмом в расширении потребления грибов стали вопросы престижа: буржуазный средний слой перенял нормы высших классов. Так потребление грибов приобрело «ценность», причем дорогие импортные товары заменялись более дешевыми отечественными продуктами²⁹.

Об ориентации эстонских пропагандистов преимущественно на границу свидетельствуют следующие публикации. В 1891 г. в газете «*Oma Maa*» М. Пыддер под заголовком «Несколько слов о съедобных грибах» поместил такой рассказ: еще в XVII в. дельный монах фон Хуугстратен сказал: «Грибы на земле самые благодетельные растения, они кормят людей, и это настолько правда, что население Богемии, Венгрии и Италии признает их за свой каждодневный хлеб, который по милости Божьей опять вновь произрастает»³⁰.

Таким образом, один грибной энтузиаст XIX в. нашел в истории другого приверженца, правда, жившего на пару веков ранее, но рвения в сборе грибов это эстонцам должно было, видимо, добавить. Между прочим, М. Пыддер сетует на то, что эстонец называет шампиньоны *sitaseen* (досл. «говенный гриб»). Он предлагает использовать в эстонском языке термин *põluseen* (досл. «полевой гриб»), который соответствовал бы французскому *Champignon* (фр. *champ* – поле, нива). М. Пыддер сообщает, что русские с удовольствием едят маслят, а по мнению эстонца, они «скользкие и хлюпают под зубами»³¹.

В 1922 г. в журнале «*Vikerkaag*» утверждалось, что в Германии груздь считается ядовитым лишь потому, что немцы не знают, как употреблять его в пищу. Русские же очень ценят его. Основными потребителями грибов автор считает католиков, которые заменяют грибами мясо³².

В газете «*Raevaliht*» (1938 г.) немцы ставятся эстонцам в пример: в Германии использование грибов включено в специальную четырехлетнюю программу, лучшие грибы применяются в пищу людям, менее ценные высушиваются и идут на корм скоту. Из-за границы вводятся также новые сорта грибов и проводятся опыты по их выращиванию³³. Можно лишь строить предположения относительно такого энтузиазма немцев – заключается он в их большой любви к грибам или в чем-то другом. Статья же в эстонской газете должна была усилить интерес эстонцев к грибам.

В католических странах использование грибов, как мы уже убедились, было более распространенным. А каким оно было, по данным периодики, у наших северных соседей финнов, которые, как и эстонцы, лютеране?

В 1918 г. в газете «*Rahvaleht*» под заголовком «Собирайте грибы» появился перевод из финской сельскохозяйственной газеты «*Pellervo*». Автор статьи сетует на то, что серьезных потребителей грибов в Финляндии мало, в пищу идут лишь некоторые млечные грибы. В то же время в лесу оставляются многие хорошие виды грибов. Автор статьи предлагает в школах давать детям знания о грибах. Он полагает, что сельскохозяйственные общества могли бы устраивать в деревнях дни сбора грибов, их заготовки и приготовления грибных блюд. По его мнению, можно бы устраивать и коллективные сборы³⁴.

Призывы аналогичного содержания появляются во многих изданиях Эстонии. Знание грибов и общее отношение к ним схожи как на северном, так и южном берегах Финского залива. По сведениям Илмари Маннинена, грибы в рационе финнов появились недавно: еще в XX в. их называли *saammakon saarnastuoli* (досл. «лягушачья церковная кафедра»). В пищу идут лишь некоторые отдельные сорта грибов, а другие, в действительности хорошие (фин. *tatti*, как назывались в народе все губчатые грибы), считаются такой едой, которая «годится лишь русским»³⁵. Между прочим, эстонские переселенцы в Петербургской губ. еще в недавнем прошлом делили съедобные грибы на «эстонские» и «русские», а остальные считали «поганками» (данные И. Тынуриста).

Как уже упоминалось, почти все авторы, которые затрагивали в эстонской прессе того времени грибную тему, жаловались на лень эстонцев и отсутствие у них знаний о грибах и призывали их собирать грибы. Так, газета «*Tallinna Sõber*» (1879 г.) считает: «Это большой грех, если такая дорогая добавка к пище из года в год по нерадению уменьшается»³⁶. Автор статьи советует собирать грибы осторожно и чистить их уже в лесу, чтобы «...грибные гривы, где находятся грибные семена, были очищены, и чтобы их распространение через это расширилось все больше и боль-

ше»³⁷. Ситуация не изменилась и почти через 40 лет. Так, в газете «Tallinna Teataja» в 1917 было написано: «...если позвать человека по грибы, то он вырывает их с корнями и уничтожает грибной род вообще»³⁸.

Интересно отметить, что использование лесных даров пропагандируется в кризисные периоды, когда с продуктами туго. Так, большая часть подобных призывов относится к годам первой мировой войны. Соответствующая тенденция – пропаганда грибов в голодные и военные годы – заметна и в периодике Западной Европы. Таким образом, налицо определенная закономерность. В 1916 г. в газете «Päevaleht» помещено известие, из которого следует, что цены на грибы той осенью многократно возросли. Причиной считается нехватка продовольствия³⁹. Газета «Tallinna Päevaleht» писала в 1918 г.: «...теперь, в период нехватки продуктов, мы не можем смотреть безразлично на их (т.е. грибов. – А.Ю.) сбор и сохранение»⁴⁰. Можно привести и другие примеры.

Тема грибов появилась и в журнале «Linda». В 1894 г. он прибежал к помощи священного писания: «"Сохраните, чтобы ничего не пропало", – поучал наш Благодетель учеников, когда он кормил хлебом массы народа в пустыне». Автор находит, что хлеб наш народ умеет уважать, но «ягоды и грибы, которые природа раздает нам без пахоты и сева, мы не удосуживаемся даже правильно съжать». Он также считает, что лесные дары должны собирать не только бедные люди, но и богатые, чтобы разнообразить свой стол⁴¹. В следующем номере журнала, где помещено продолжение этой статьи, выражается удивление по поводу того, что люди затрачивают много сил на получение урожая на поле, но пренебрегают тем, что достаточно вынести из леса⁴².

Наш обзор, очевидно, показывает ощутимый вклад эстонской прессы в пропаганду грибов. Многие авторы отмечают расширение потребления грибов в результате пропаганды. Так, например, начавшаяся в Германии в 1860-х годах разъяснительная и просветительская работа в этом направлении значительно увеличила их потребление⁴³. Как пишет Бритта Эгардт, в Швеции в результате начавшейся во второй половине XIX в. пропаганды потребления грибов в пищу в отношении к ним по сравнению с последним столетием, произошли большие изменения. Прежнее пренебрежение и высокомерие к грибам сменилось их признанием⁴⁴.

Пропаганда оправдала себя и в Эстонии. Как показывают архивные данные, потребление грибов в пищу с начала XX в. увеличилось. Даже в Западной Эстонии и на островах, где грибы ранее вообще не употреблялись⁴⁵, их начали вводить в меню⁴⁶. Изменение отношения к грибам в Западной Эстонии и на островах отражается, например, в публикации 1938 г. в газете «Uus Eesti». В ней рассказывается о сотнях грибников на п-ове Ноароотси и о-ве Вормси, которые приносят из лесу большие корзины боровиков и рыжиков. Любопытно, что в том же тексте упоминаются и грибники из числа горожан⁴⁷. Здесь мы и подходим к следующему характерному изменению в собирательстве грибов, происшедшем в XX в. Если ранее собирателями грибов были главным образом беднейшие сельские жители, то теперь среди них появляется все больше горожан. Все чаще устраиваются выезды из городов в дальние леса. Учитывая дороговизну транспорта, нельзя думать, что этим занималось только беднейшее население. Нет сомнения, что пропаганда сбора грибов подействовала прежде всего на горожан среднего достатка, которым она была более доступна (регулярно выпускаемая периодика, пропагандирующие грибы брошюры, выставки грибов, поваренные книги, все чаще предлагающие вегетарианские рецепты) и готовность которых к восприятию новшеств была большей. Общее правило, что в диффузии новшеств существует позитивная корреляция между готовностью восприятия новшеств, степенью информированности и уровнем образования⁴⁸, проявляется и в данном контексте. Таким образом, и грибные блюда стали в Эстонии популярными среди горожан, но уже не в качестве дополнительной пищи, как в голодные времена, а лишь как своеобразное лакомое блюдо. В периодике предлагались рецепты всевозможных грибных салатов, блюда с тушеными грибами. В стороне от пропаганды

грибов не осталось и сельское население. Как считает Алийсе Моора, грибы вошли в пищу в деревне через посредство города⁴⁹.

Таким образом, пропаганда периодической печати сделала потребление грибов в пищу популярным, и прежде всего среди среднего класса горожан. Хотя горожане и сами стали все больше собирать грибы, основными поставщиками грибов в города остались все же сельские жители. Домашнее хозяйство среднего класса, обусловленное им питание известно своей сильной ориентированностью на рынок. Главным поставщиком грибов в города Эстонии в первой половине XX в. был Печёрский у. Если вплоть до первой мировой войны грибы из Печёрского края везли даже в Петербург, то начиная с 1920-х годов пришлось переориентироваться только лишь на эстонский рынок. В конце 1920-х годов основным местом скупки грибов в Эстонии стал Печёрский у., уже в 1926 г. началась планомерная обработка грибов⁵⁰. По-своему известным был действовавший в Печёрах скупщик и маринователь грибов русский человек Ходоровский, которого называли «грибным королем Эстонии». Он снабжал грибами большую часть магазинов и ресторанов Таллина и Тарту⁵¹. Важными снабженцами городов грибами являлись и другие районы Восточной Эстонии, что было обусловлено популярностью грибов здесь.

География потребления грибов

Первым, кто начал систематически изучать роль грибов в человеческой культуре, был Р. Гордон Вассон. Он, между прочим, сделал наблюдение, на которое опирались в своих последующих работах многие авторы, изучавшие культурные параметры потребления грибов: он заметил диаметрально различающееся отношение к грибам у разных индоевропейских народов. Хотя грибы произрастают во всех странах Европы, одни народы относятся к ним с уважением, а другие – с пренебрежением. Вассон определил, что причины этого различия кроются в глубине времен, а их корни в свою очередь скрыты в религии⁵². Он называл народы – любителей грибов микофильными, а отрицательно относящихся к ним – микофобными⁵³. Разъяснения Р.Г. Вассона о данном феномене в научных кругах приняты неоднозначно. В данной статье нет надобности подробно останавливаться на мнении его единомышленников в области этномикологии⁵⁴. Но тем не менее и другими авторами отмечено, что славянские и романские народы относятся к употреблению в пищу грибов положительно, а германские народы известны своим пренебрежением к грибам. Замечено разное отношение к грибам, с одной стороны, в Восточной и Юго-Восточной Европе, а с другой – в Западной и Северной Европе. В Германии, которая относится к контактной зоне обоих ареалов, грибы, например, потреблялись в пищу преимущественно лишь в тех районах, где немцы соприкасались со славянскими или романскими народами⁵⁵.

В контактную зону двух названных ареалов входит и Эстония. С одной стороны, влияние Скандинавии и Германии, а с другой – славянское, сформировали культуру, в которой есть общие черты обеих сторон. Если говорить об отношении к грибам эстонских крестьян, то на основании архивных материалов в потреблении грибов можно заметить общую тенденцию: чем дальше на восток, тем больше грибы использовались в пищу, да и отношение к ним на востоке, т.е. в Причудье – и особенно у сету, более положительное, чем в других местах. А. Моора считает одной из причин сбора грибов в Причудье наличие обширных лесов⁵⁶, но такие леса имеются и в Западной Эстонии, где отношение к грибам негативно; следовательно, в Причудье очевиднее все же славянское влияние. Это подтверждают используемые в Восточной Эстонии названия грибов, которые в значительной мере заимствованы у русских: *krasnuha*, *valnuk*, *maslanka* и др. Между прочим, русские названия грибов используют и эстонские переселенцы в Сибири, причем одним и тем же русским словом местами обозначаются разные биологические виды (это подтверждают полевые материалы автора из Омской обл. 1996 г.).

В Восточной, а особенно в Юго-Восточной Эстонии сборщики грибов по большей части ориентируются на рынок. Местной особенностью является здесь традиция

сушки грибов, которая в других местах встречается реже. Но основным способом заготовки грибов впрямь в Восточной Эстонии, как и в других местах, остается соленье.

Сравнительно популярными в рационе питания были грибы и в Юго-Восточной Эстонии. Так, например, в Вырумаа знание грибов местным населением довольно высоко. Интересно, что там консервируют грибы в стеклянных банках, что в остальной Эстонии не было распространено даже в конце первой половины XX в.

В Северной и Западной Эстонии популярность грибов гораздо ниже. Например, на основе ответа, поступившего из прихода Юри Харьюского у., можно сказать, что знание грибов было там весьма слабым. Различные виды грибов знали плохо, лучше знали грибы по названиям деревьев, под которыми они росли: «березовые», «ольховые», «еловые», «сосновые». В пищу употребляли два сорта «рядовых грибов» (ridaseened), которые росли рядами – это маслята и «болотные грибы» (gabaseened). Еще знали опята, мухоморы и дождевики. В приходе Юри съедобные грибы делили на три группы: «грибы» (seened), «маслята» (tatikad) и «рыжики» (riisikad)⁵⁷.

Выше уже указывалось на некоторые возможные причины подобной закономерности, но тем не менее они не разрешают окончательно этой проблемы. Остается невыясненным, почему в западной части Эстонии ели меньше грибов, чем в восточной, почему отношение к грибам в разных частях страны было столь различным. Различия в потреблении грибов между разными регионами Эстонии пытались объяснять природными (наличие в некоторых местах больших лесов), экономическими (бедность) причинами или же социальной структурой семьи (большие семьи), но эти объяснения не всегда исчерпывающи. Так, например, потребление грибов было наименьшим в Западной Эстонии на островах. Единого объяснения этому нет. Если в Сетумаа одной из причин традиционного использования грибов в пищу считали наличие больших семей, т.е. экономическую необходимость (полевые материалы автора 1992 г., вол. Вило), то на о-ве Сааремаа, который также был известен многодетными семьями, грибы использовались мало. В отношении сету одной из причин популярности грибов можно назвать православие (у них, как и у нескольких других народов, грибы являются постной пищей). Однако православие, которое в XIX в. распространилось и на Сааремаа, не повлияло на ментальность островитян, по крайней мере в рассматриваемом явлении, и контрасты в отношении к грибам сохранились частично и в XX в.

Малая популярность грибов в Западной Эстонии обсуждалась и в эстонской периодике начала XX в. Автор заметки, опубликованной в 1908 г. в газете «Saarlane», полагал, что знает причину малой популярности грибов: у людей просто-напросто отсутствуют соответствующие знания и опыт. Он сравнивает грибы с сыром, который на Сааремаа почти не используется, несмотря на то что очень сытен. Грибы сравниваются и с картофелем, который здесь ранее тоже не шел в пищу⁵⁸. Таким образом, вопрос о географии популярности грибов остается «висеть в воздухе». Древние религиозные воззрения сохранились до нашего времени лучше в Сетумаа. Там и грибы собирались в большем количестве, да и отношение к ним было другим, чем, например, на островах. Есть ли здесь какая-либо связь?

В Финляндии жили некоторые древние обычаи. На востоке определенные деревья и камни почитались как жертвенные, в то время как на западе соответствующая традиция заглохла. Эти различия нельзя объяснить одними лишь географическими причинами. Традиция верований и легенд прочнее была именно в Восточной Финляндии⁵⁹. Равным образом на востоке грибы едят в большей степени, чем на западе страны⁶⁰. Аналогия с Эстонией налицо. Нет исчерпывающего объяснения более долгому существованию некоторых феноменов культуры именно на востоке Эстонии. Если бы мы знали причины этого явления, быть может, мы смогли бы найти ответ на интересующий нас вопрос.

Изучена и связь грибов с верованиями. Оказалось, что связанных с грибами поверий больше там, где их в большей степени употребляли в пищу, т.е. формирование религиозных воззрений имело практическую основу⁶¹. Эстонцы и финны столетиями входили в сферу германского (немецкого и шведского) влияния, что объяснило бы малую

популярность у них грибов, по крайней мере на протяжении последних столетий. Большая популярность грибов у сету объясняется их более тесными связями со славянской, т.е. с русской, средой. Другим возможным объяснением пренебрежительного отношения к грибам можно предположить утерю их предполагаемой сакральности. Возникновению уничижительного отношения к грибам можно найти объяснение. Некоторые авторы⁶² пытаются подчеркнуть (основываясь на данных языковедения) галлюциногенные свойства некоторых видов грибов (что имело место в древнем шаманском представлении о мире; на этом настаивает упомянутый выше Р.Г. Вассон). С победой новой христианской идеологии символы прежнего мировоззрения были оттеснены на периферию ценностных оценок. Так и произошло формирование уничижительного отношения к грибам.

В то же время некоторые авторы предполагали, что предубеждения в отношении грибов являются «просто обусловленным привычками сохранения дистанции без более глубокой причины религиозного или суеверного характера»⁶³. Кроме того, высказывалось мнение, что набор растительной пищи средневекового человека основывался не столько на питательности, сколько на ее полезности для здоровья. Каждый овощ изначально использовался как лекарство, лишь позднее превращался в пищевой продукт. Отсюда вытекает, что если об использовании грибов в народной медицине ничего не известно (в эстонской народной медицине известно все же об использовании грибов как лекарства, но в основном как наружного), то грибы превратились в этой системе ценностей культуры в «антипищу»⁶⁴. Страх перед отравлением грибами всегда был велик, да и сохраняется поныне, но, по мнению Ульриха Толксдорфа, объяснение этим негативного отношения к грибам остается все же проблематичным, так как ядовитых грибов не больше, чем ядовитых ягод и прочих плодов⁶⁵. Из всего этого следует, что достаточного и удовлетворяющего все стороны объяснения различной роли грибов у разных народов не дано до сих пор. Но ясно то, что пренебрежительное отношение к грибам, характерное для северных и западных народов Европы, было таковым и на большей части территории Эстонии.

В наши дни в Эстонии таких больших локальных различий в отношении к грибам, как это имело еще место в начале нынешнего столетия, больше нет. Анализ присланных в Эстонский национальный музей многочисленных ответов корреспондентов показывает, что грибы собираются там, где они есть. На городских рынках грибами торгуют в основном местные и окрестные сельские жители. Издалека, как это было раньше, приезжают все меньше. Если в 1930-е годы города снабжал грибами в основном Печёрский у., то в наши дни грибы из такой дали не привозят. Своих сборщиков хватает и на месте. Все же в присланных ответах указывается на популярность сбора грибов в районах, богатых лесами. Более разнообразным стал и видовой набор собираемых грибов.

* * *

В итоге можно сказать следующее. Отношение эстонцев к грибам было в основном негативным. Это может быть объяснено, видимо, сложившейся историко-культурной традицией. Ситуация начала изменяться в последней четверти XIX в., когда эстонская пресса развернула интенсивную пропаганду грибов и их собирания, указывая и на то, что грибы являются доступным средством для облегчения голода – следовательно, пропаганда в периодике была адресована прежде более бедному сельскому населению. С одной стороны, это все можно назвать формированием отношения эстонцев к грибам, с другой – материалы в периодике являются ценным источником при изучении рассматриваемой нами проблемы и шире – при изучении всей этномикологии. Публикации в периодике и архивные материалы весьма адекватно отражают отношение эстонцев к грибам, подтверждая рост их популярности. Это выражается в том, что с начала нынешнего века грибы стали больше цениться и использоваться в пищу, чем ранее. Такая тенденция была характерна и для других лютеранских регионов Европы. Особенно пропагандировались грибы в кризисные годы. Публикации в периодике

отражают также и географические различия в отношении к грибам: в восточной части Эстонии грибы ели значительно больше, чем в западной. Также роль грибов в духовной традиции различалась по районам: упоминания о грибах встречаются главным образом в фольклорных жанрах лишь в Восточной и Юго-Восточной Эстонии. Закономерность образно подкрепляют архивные материалы. Соответствующие тенденции подмечены и на основании сравнительных данных по Западной и Центральной Европе. Поступающие в наши дни сведения показывают унификацию в отношении к грибам в разных частях страны, что закономерно в интегрирующемся обществе. Собираение грибов превратилось в общее правило, в котором следует видеть не реликт древнего собирательного хозяйства, а инновацию, достигнутую в результате пропаганды. Разрекламированный первоначально способ обогащения рациона питания к нашим дням превратился в важный вид проведения досуга.

Примечания

- ¹ *Tolksdorf U.* Sammelnahrung in Ost- und Westpreussen. // *Jahrbuch für ostdeutsche Volkskunde.* 1973. B. 16. S. 8.
- ² *Parmasto E.* Mis temale küll nimeks panna? // *Eesti Loodus.* 1994. № 8. Lk. 231.
- ³ *Kalamees K.* Seened. Tallinn, 1966. Lk. 5.
- ⁴ *Tolksdorf U.* Pilze als Nahrung. Zu Vorurteil und Innovation eines Nahrungsmittels in Norddeutschland // *Kieler Blätter zur Volkskunde.* 1971. Nr. 3. S. 6.
- ⁵ *Mägiste J.* Estnisches etimologisches Wörterbuch. Helsinki, 1982. S. 2733; *Saareste A.* Eesti keele mõisteline sõnaraamat I–III. Stockholmi, 1958–1959. Lk. 1011.
- ⁶ Eesti Rahvaluule Arhiiv (далее – ERA). II 280, 117 – (4) < Keila – E. Kriitmäe (1940) Tartus. Kirjandusmuuseumi Rahvaluule osakonnas (далее – KRO); *Loorits O.* Endis-Eesti elu-olu. T. II. Tartu, 1941. Lk. 51.
- ⁷ ERA II 260, 47 (5) < Märjamaa – E. Poom (1939).
- ⁸ Korrespondentide sõnavara (далее – KS) < Püha – A. Kald (1974) // Tallinnas, Eesti kuule Institundi murdearhiivis.
- ⁹ *Saareste A.* Eesti keele mõisteline sõnaraamat I. Stockholm, 1958. Lk. 883.
- ¹⁰ *Manninen I.* Pilvi // *Virittäjä* № 33, Helsinki, 1929. S. 25–27, в общих обзорах также вкратце: *Loorits O.* Liivi rahva usund I. Tartu, 1926; *Loorits O.* Op. cit.; *Eisen M.J.* Eest mütoloogia. IV – Eesti vana usk. Tartu, 1926; *Masing U.* Eesti usund. Tartu, 1995.
- ¹¹ *Schmidt L.* Volkskunde von Niederösterreich. Horn, 1966. S. 146.
- ¹² Tululikud juhatused // *Linda.* 1895. 25.08. Lk. 530.
- ¹³ Seened – meie metsade väärtuslik and // *Päevaleht.* 1938. 14.08.
- ¹⁴ Seentest // *Postimees.* 1897. 11.09.
- ¹⁵ Seenenimedest // *Eesti Kirjandus.* 1931. № 4. Lk. 255–256.
- ¹⁶ *Egardt B.* Op. cit., P. 44.
- ¹⁷ Korrespondentide vastused (далее – KV) 77, 88 < Mao (1947); KV 77, 37 < Viru-Nigula (1947).
- ¹⁸ KV 77, 171 < Muhu (1947).
- ¹⁹ *Vilberg G.* Metsaoluda metsatülid Eestis ordu-ajal. Tartu, 1932. Lk. 16.
- ²⁰ *Michael E.* Handbuch für Pilzfreunde. VI. Jena, 1988. S. 12.
- ²¹ KV 77, 16 < Tarvastu (1947).
- ²² KV 77, 37 < Viru-Nigula (1947).
- ²³ ERA II 269, 384 (22) < Häädemeeste (1940); *Loorits O.* Op. cit. P. 52.
- ²⁴ *Uuemad teated* // *Postimees.* 1922. 27.04.
- ²⁵ *Hurt J.* Setukeste laulud III. Pihkva eestlaste vanad rahvalaulud, ühes Räpina ja Vastseliina lauludega. Helsingi, 1907. Lk. 191–192.
- ²⁶ *Hurt J.* Vana kannel I // *Eesti Kirjameeste Seltsi Toimetused.* № 3. Tartu, 1875. Lk. 142; *Vilbaste G.* Võõrkeelsete taimenimed register. T. 3. № 194. Tallinn, 1953. Lk. 90.
- ²⁷ ERA. Собрание Я. Хурра. R 4 < Räpina – H. Punnisk (1887).
- ²⁸ *Eiseni kogu* 45422/3 (3) < Vastseliina – G. Sander // KRO.
- ²⁹ *Tolksdorf U.* Sammelnahrung... S. 40–41, 53.
- ³⁰ *Pödder M.* Mõni sõna sõbdavatest seentest // *Oma Maa.* 1891. № 1. Lk. 39–46, passim.
- ³¹ Ibid.
- ³² Seened // *Vikerkaar* 1922. № 8. Lk. 251–256, 252.
- ³³ Seened – meie metsade väärtuslik and // *Päevaleht.* 1938. 14.08.

- ³⁴ Korjake seesesid // Rahvaleht. 1918. 15.09.
- ³⁵ Manninen I. Überreste der Sammlerstufe und die Notnahrung aus dem Pflanzenreich bei den nordeurasischen, vorzugsweise den finnischen Völkern // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1931. VI. S. 47.
- ³⁶ *Õpetused* // Tallinna Sõber. 1879. 27.05.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ *Uitavad mõtted* // Tallinna Teataja. 1917. 25.02.
- ³⁹ Seened // Päevaleht. 1916. 10.08.
- ⁴⁰ Seenekorjamisest // Tallinna Päevaleht. 1918. 14.10; 21.10.
- ⁴¹ Seente kogumine ja alalhoidmine // Linda. 1894. 26.08. Lk. 542.
- ⁴² Ibid. 1894. P. 530.
- ⁴³ *Tolksdorf U. Sammelnahrung...* S. 40.
- ⁴⁴ *Egardt B. Op. cit. P. 33–44.*
- ⁴⁵ Saareste A. Eesti keele mõisteline sõnaraamat I–III. Stockholm, 1958–1959. Lk. 758.
- ⁴⁶ *Etnograafiline arhiiv*. 16, 631 < Hiiu (1932).
- ⁴⁷ Seenekorjajate head päevad Saaremaal // *Uus Eesti*. 1938. 8.10.
- ⁴⁸ *Tolksdorf U. Pilze...* S. 11.
- ⁴⁹ *Moora A. Peipsimaa etnilisest ajaloost*. Tallinn, 1964. Lk. 262.
- ⁵⁰ Eesti seened tulus eksportkaup // *Maa Hääl*. 1939. 16.06.
- ⁵¹ Ühe jalaga liha // *Esmaspäev*. 1928. 20.08.
- ⁵² Напр.: *Wasson R.G. Soma: Divine Mushroom of Immortality*. N.Y., 1971.
- ⁵³ О Вассоне и его научном наследии в связи со 100-летием со дня рождения этого ученого автор настоящей статьи опубликовал в прошлом году специальную статью с резюме на английском языке (*Jürgenson A. Suur seeneprohvet. Sada aastat etnomükoloogia rajaja R. Gordon Wassoni sünnist* // *Akadeemia*. 1998. № 12. Lk. 2604–2624). В этой статье дан анализ роли Вассона как зачинателя этномикологии, его роли в ознакомлении с галлюциногенными грибами и влияния на субкультуру наркотиков, а также проанализирован его порой оспариваемый вклад в этнологическую науку.
- ⁵⁴ См., напр.: *Тоноров В.Н. Грибы* // *Мифы народов мира*. Т. I. М., 1987. С. 335–336.
- ⁵⁵ *Tolksdorf U. Pilze...* S. 7; *Schürmann T. Ost-West-Beziehungen in der Nahrungskultur* // *Jahrbuch für deutsche und osteuropäische Volkskunde*. B. 37. Marburg, 1994. S. 146.
- ⁵⁶ *Moora A. Eesti talurahva vanem toit II*. Tallinn, 1991.
- ⁵⁷ KV318, 118–124 > Jüri – E. Leek (1977).
- ⁵⁸ *Hulk sealihha* // *Saarlane*. 1908. 20.09.
- ⁵⁹ *Sarmela M. Reciprocity Systems of the Rural Society in the Finnish-Karelian Culture Area*. Helsinki, 1969. P. 262.
- ⁶⁰ *Rantala M. Sienten käytöstä Virossa* // *Sienilehti*. № 43. Helsinki, 1987. S. 28–32.
- ⁶¹ *Egardt B. Op. cit. P. 44.*
- ⁶² *Ahti T. Kalevalan sampo onkin kärpässiini?* // *Sienilehti*. No. 37. Helsinki, 1985. S. 52–53; *Balaz J. Über die Ekstase des ungarischen Schamanen* // *Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker*. Budapest, 1963. S. 57–84; *Lehtisalo T. Sampa, sammammas* // *Virittäjä*. 1929. № 3/4. S. 130–132.
- ⁶³ *Egardt B. Kost* // *Schwedische Volkskunde. Quellen, Forschung, Ergebnisse*. Stockholm; Göteborg; Uppsala, 1961. S. 385.
- ⁶⁴ *Becker-Dillingen J. Handbuch des gesamten Gemüesenanbaues*. Berlin; Hamburg, 1950. S. 842 (цит. по: *Tolksdorf U. Pilze...* S. 8).
- ⁶⁵ *Tolksdorf U. Op. cit. S. 5–26.*

Перевод с эстонского И.В. Тьнуриста

A. Y u r g e n s o n. The Estonians' Attitude to Mushrooms

The contemporary practice of mushroom gathering and the use of mushrooms for food are often seen as a relic of appropriative economy. However, this kind of activities should be considered in its concrete historical-and-cultural context. On the territory of Estonia gathering became replaced by farming some two thousand years ago. Estonia is located in the culture zone of Western and Northern Europe where the attitude to mushrooms was most restrained and mushrooms had almost never been used for food. In the 19th century propaganda of mushrooms began in Europe to enrich the population's diet. The trend gradually reached Estonia and in mid-19th century mushrooms came to occupy an important place in the diet of the Estonians.